Анна Идесис

Шведский стол в отеле Виктория

Рассказ

12+

Анна Идесис

Шведский стол в отеле Виктория

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67967028
SelfPub; 2022

Аннотация

Человек есть то что он ест… Именно еда делает нас такими, какие мы есть. Из-за способов питания возникали и разрушались цивилизации, армии завоевывали государства, продуктовые войны продолжаются в мире и по сей день. Культура возникла в первобытно-общинном обществе как следствие удовлетворения базовой потребности в питании. То есть понятие "человек культурный" неразрывно связано с понятием "сытый человек". А в будущем – сможет ли человек победить свою зависимость от еды или то, что заложено природой, останется спутником Homo Sapiens навсегда, как и варварство, нездоровая конкуренция, желание захватить, отобрать, уничтожить. Еда как форма помешательства. Какие перспективы у человечества, если продуктов на планете станет недостаточно. Какой способ питания выберет человек в будущем, и останутся ли при этом традиции. Юмористический рассказ об отношении человека к пище в древности, в настоящем и в будущем. С тонким юмором показана практика коллективного приема пищи в современном обществе.

Анна Идесис
Шведский стол в отеле Виктория

Сидящим на диете посвящается

1

Оаве проснулся раньше всех, даже раньше детей – они обычно просыпались первыми. Он выбрался из пещеры на Великую равнину. Позади него в темноте мирно дремало его племя – сонные женщины, старшие сыновья, несколько мужчин-охотников, добровольно оставшихся в их жилище переждать сезон дождей, но спутавшихся с его сестрами и не покинувших их. Он был рад этому, потому что мужчины не сидели без дела, и они все уважали его главенство, хотя конфликты иногда случались, но, в конце концов, разрешались мирно. Гигантский диск солнца чуть показал свой край из-за горизонта, и Великая равнина загорелась ярким оранжевым цветом, предметы еще отбрасывали длинные тени, которые к полудню становились короче. Он постоял немного, глядя вокруг, прикрыв от яркого солнечного света глаза. Густой утренний воздух наполнил его тело, нужно было действовать, утренняя прохлада сменится утомительным зноем, тогда все живое спрячется в тени гигантских деревьев и охотиться станет невозможно. В это время года саванна бы-

ла необыкновенно плодородна. Огромные скопления птиц, змей, насекомых, хищных и травоядных животных бродили по просторам, питались, размножались и умирали. Круговорот жизни и смерти. Их кости еще долго белели среди густой растительности, привлекая падальщиков, устраивавших жестокие побоища между собой над трупами погибших животных. Сегодня он убьет антилопу, замеченную вчера из стада, которое паслось поблизости уже третий день. Когда Оаве впервые увидел его, огромный самец с закрученными рогами бил копытами, фыркал, и другие особи в ужасе расступались перед его мощью и агрессией. Самец горел желанием, самки прижимали уши, пряча своих детенышей. Мясом этой антилопы можно накормить всех – хватит даже старому слепому Иффе, который ел всегда последним и ему доставались обычно только кости с остатками мышц на них и немного жил. Иффе был слепой от рождения – никогда его глаза не видели солнечного света, но он прожил достаточно длинную жизнь, сидя в пещере и поддерживая огонь, что в племени считалось самой ответственной работой. Иногда Иффе выходил, однако делал это не охотно – солнце сушило его кожу, и он все равно ничего не видел, быть в пещере или снаружи ему было безразлично. Совместная трапеза, как правило, выглядела так: в племени сложилась четкая иерархия, сначала ели мужчины, они делали это медленно и важно, в то время как другие члены племени стояли рядом и смотрели им в рот, обливаясь слюной, потом, то что не доели мужчины

передавалось женщинам, постоянно устраивающим драку за еду, следом ели дети – им доставалось еще меньше, и последними ели заболевшие, а потом, старый Иффе и старуха Хэя. Старикам уже практически ничего не доставалось, но им и нужно было меньше всех. Еды всегда было вдоволь, Великая равнина кишела живностью, даже в сезон дождей, когда реки вздувались и выходили из берегов, отрезая стадам пути миграции, всегда можно было найти добычу. Никто не голодал. Оаве издалека увидел антилоп, они мирно паслись на склоне холма, самец выделялся огромными размерами, рядом с ним скромно щипали траву три самки – его гарем.

2

В отеле «Виктория» повара и официанты, вставшие чуть свет – в четыре утра, готовили ежедневный шведский стол к завтраку, который начинался в семь утра, а заканчивался в десять тридцать. В отеле останавливались преимущественно русские туристы, следующие проездом в Европу, и решившие задержаться на день, другой, чтобы осмотреть местные достопримечательности и отведать национальной белорусской кухни. Иногда, заезжали китайцы и литовцы, хотя в последнее время их было не много. Стоял конец августа, и отель на семьсот номеров был забит до отказа, свободных комнат не было вовсе, возле стойки администратора дежурили ожидавшие заезда, прибывшие раньше времени туристические группы, охрана с беспокойным видом прижимала ко рту портативную рацию, и та отвечала хриплым лаем. Де-

вушки мило улыбались абсолютно всем, деловито смотрели в мониторы компьютеров, оформляли бумаги и передавали ключи от комнат заехавшим постояльцам:

– Ваш номер готов, приятного отдыха.

– Приезжайте еще, счастливого пути!

Василий Петрович, прибыв в Минск с супругой по работе, дивился такому наплыву отдыхающих в некурортном городе. Видимо, размышлял он, большая часть россиян приехала в «шоп – туры» на выходные после ухода брендов из России. Санкции как не странно породили новое направление социально – культурной жизни. «Шоп-тур» – слово из девяностых, но сейчас оно наполнилось совершенно новым смыслом. Новое подразумевало то, что россияне с кучей наличности ехали скупать ширпотреб для себя, а не на продажу, как раньше. Все остальное осталось таким же, те же автомобили, набитые тряпьем, и куча суетливых покупателей в каждом магазине, причем продавцы безошибочно определяли русских, и расплывались в угодливых, фальшивых улыбках.

– Мы на шведский стол сегодня успеем, – спросил он у приветливой администраторши.

– Успеете, и оплатить можно прямо там, на месте!

Василий Петрович расплатился и гордо последовал в направлении, указанном девицей. Столовая на триста мест была забита постояльцами отеля до отказа. Вдоль стен стояли поддоны с едой – с горкой лежали блины с мясом и виш-

ней, стоял творог, сметана, кефир, молоко, гречневая, манная, овсяная каши, картофель двух видов, мясные рулеты, жаренные куриные грудки, котлеты, свиные рулетики, колбаса, сосиски, яйца и омлеты, яичница и сладости, булочки, свежий хлеб и сливочное масло, вареная цветная капуста, зеленая фасоль, огурцы, помидоры, кукуруза, и ломтики сыра, минимум шести сортов. На другом столе с пузатыми кофе машинами наливали чай, кофе, рядом – сладости и фрукты, порезанные на дольки. Тут же находились кукурузные хлопья и мюсли, и расположился графин с молоком.

3

Оаве осмотрел холм и оценил, где лучше подбираться к добыче. Подойти нужно было против ветра, и для этого он послюнявил палец и поднял его вверх, чтобы понять, откуда ветер. Самец, почуяв опасность – выдали птицы, поднял голову и начал напряженно принюхиваться. Уши его нервно задергались, самки тоже настороженно прислушивались. Оаве уважал свою добычу, он никогда не убивал просто так, потехи ради и всегда закрывал глаза зверю рукой, когда перерезал ему горло, чтобы тому не было страшно. Копье с каменным наконечником было довольно тяжелым, но Оаве хорошо овладел искусством метания. Он знал, что перед броском надо вдохнуть глубоко, а потом, размахнувшись, выдохнуть весь воздух из легких, на выдохе представив, что твое тело становится копьем, бросить орудие. Каменный наконечник глубоко проникал внутрь, разрывая мышцы, сухожилия

и кожу, обессиленное павшее животное, добивали костяным ножом, Оаве всегда гладил антилопу, пока она умирала, и просил прощения, потом она испускала последний выдох, а он еще долго стоял рядом, закрыв глаза – эта смерть дает им жизнь. Самец был довольно тяжелым, но Оаве взвалил его тушу на плечи, так что ноги его задрожали от такой тяжести, и понес добычу в пещеру. Оаве любил Великую равнину, и она отвечала ему тем же, он всю жизнь прожил здесь, и его сыновья родились здесь, здесь он и умрет, когда придет его время. Огромные стада тучных животных паслись вокруг, он никогда не трогал самок с детенышами и не убивал детенышей. Проснувшиеся женщины устроили возню, ведь кто будет разделывать антилопу, тому и достанется дополнительный кусок из лучшей филейной части.

4

Василий Петрович, схватив поднос и поддавшись общему психозу, стал накладывать в тарелки мясо и картошку с салатом, на другую тарелку он положил овсянку, так как дома с утра он всегда ел овсянку, приправив ее сливочным маслом и малиновым вареньем. Потом отнес поднос на единственный свободный стол в зале и вернулся за блинчиками, сырниками и творогом с медом. Люди стояли довольно плотно возле стойки, быстро накладывали еду в тарелки и отходили, юркая брюнетка напомнившая ему капитана женской команды по гребле, с начесом на голове, в цветастой футболке и подхваченных почти под грудь шортах, втиснувшись между

ним и впереди стоящим, ловко подцепила последний сырник и взгромоздила его на горку с овсянкой на своем подносе. Он так и застыл с вилкой в руке, собиравшейся наколоть тот же самый злополучный кулинарный шедевр.

– Овсянку с сырником? – буркнул Василий Петрович, – оригинально!

– А вы что-то имеете против! – возмутилась брюнетка, быстренько схватила свой поднос и растворилась в толпе. Он только глазами захлопал от такой наглости. Набрав три подноса еды, Василий Петрович, протиснулся к своему столу, где уже сидела и уплетала завтрак его супруга – немолодая дородная женщина в фирменном спортивном костюме, он, немного жеманясь и растягивая слова, произнес:

– Мусик, принеси и мне кофейку, если пойдешь за ним. А то здесь все такие шустрые, что можно и не успеть.

Мусик немедленно исполнила его просьбу, вернувшись не только с кофе, но и с апельсиновым соком, который она налила из стоявшей стеклянной колбы с краником. Себе она нацедила яблочного нектара и еще взяла стаканчик кефира. Сев напротив входа, Василий Петрович обратил внимание на семейство, вошедшее в столовую – муж с женой и трое детей, причем одна из них – девочка с синдромом Дауна, с характерным для этого синдрома необычным немного удивленным выражением лица, одетая в простенькое хлопковое платьице. Она отличалась от других детей легкой полнотой, какой отличаются почти все такие дети, и простодушной, до-

верчивой, немного застенчивой улыбкой. Позже он заметил, что девочка, когда ее семейство приступило к лихорадочному наполнению своих блюд, стоит со своей пустой тарелкой чуть в стороне, растерянная, не понимая, что ей делать, а ее родня тем временем, активно захватывает добычу, сплотившись стеной возле стойки с продуктами и не пропуская никого из присутствующих. И во всем огромном зале, только она спокойно стоит и смотрит на это гастрономическое разнообразие, не порываясь действовать, не поддаваясь спортивному азарту, активно стучат ложки отдыхающих по тарелкам, присутствующие поглощают тонны продуктов, официанты убирают со столов тонны отходов и грязной посуды, и никто не обращает на нее никакого внимания.

– Интересно, они ее накормят или сами все сожрут? – подумалось ему.

– Сами разберутся, она же с родней!– супруга заметив, куда он смотрит, живо возразила его мысленному вопросу. Жена Тамара всегда отличалась тем, что каким-то непостижимым образом, настроившись с ним на одну волну в начале брака – двадцать лет назад, приобрела способность угадывать его мысли и отвечать на поставленные его разумом молчаливые вопросы. При этом она ни разу не ошиблась с ответом, вследствие чего, у него частенько возникала мысль по поводу примитивности и совершенства. Тем временем завтрак был в полном разгаре. В нормальной жизни такое количество еды они вдвоем с супругой ели бы неделю , но так

как, выносить из зала что-либо было запрещено, о чем гласило объявление на стене рядом с выходом, и для соблюдения этого порядка, в качестве охраны, поставлена была внушительная девица в деловом костюме, то необходимо было употребить всю набранную пищу прямо здесь. Между столов сновали официанты, собиравшие на тележки посуду и горы недоеденной еды, чего там только не было… Насытившиеся туристы ручейком тянулись к выходу из столовой, неестественно выворачивая ноги, так как свободно передвигаться мешали раздутые от еды животы. Они фыркали и икали от переедания.

– Интересно куда они девают отходы! – Василий Петрович мысленно представил уютный деревенский домик и рядом в сарае парочку свинок с поросятами, которым и скармливают из ведра в лоханки все это великолепное месиво.

– Ты что, там же сладкое, свиньям такое нельзя, выбрасывают, конечно! – супруга опять угадала со своим ответом!

– Не может быть, чтобы выбрасывали, ты посмотри там же куча всего, кое-что только разок откушено. А тогда куда…?

Но этот вопрос так и остался без ответа, потому что, даже всезнающая Тамара не знала подробностей утилизации пищевых отходов в этом заведении. Весь день Василия Петровича мутило, он даже подумывал взять в аптеке Фестал, чтобы быстрее переварить съеденное. Пару раз ему казалось, что его просто вырвет, но все обошлось. В самую тяжелую минуту он дал себе слово больше не поддаваться на пищевую

панику, однако на следующее утро все повторилось, видимо коллективное потребление пищи порождает нездоровую конкуренцию между участвующими. Опять бесконтрольно объевшись, он лениво поразмышлял о причинах такого поведения, а так как он был в меру образован, то успокоил себя тем, что корни этого явления, видимо, уходят в первобытно – общинное, дикарское, когда все племя ело одну добычу, соревнуясь друг с другом, и выхватывая из-под носа у соплеменников лучшие куски. Василий Петрович всегда интересовался историей и прочел кучу научно – популярной литературы. Мысль о том, что в чревоугодии виноват только он, была отброшена, как несостоятельная, в конце им была произнесена небольшая, но очень емкая по содержанию речь:

– Вот Тамара, видишь, за сто тысяч лет ничего не поменялось, люди все те же, соревнуются между собой, чтобы больше захапать, хотя еды вдоволь, это коллективное бессознательное виновато, это на подсознательном уровне, с тем, что делает толпа невозможно бороться.

5

В пещере Оаве готовились к пиршеству. Женщины весело переговариваясь друг с другом, отделяли сухожилия от костей, снимали шкуру с туши, вырезали мясо. Периодически слышны были взрывы хохота. Все шло в ход и даже кости животного, из которых потом делали ножи и наконечники. Мясо обжаривали на костре, наколов его на деревянную палку, они недавно поняли, что мясо с костра становит-

ся мягче и вкуснее, чем сырое, хотя иногда они и сырое ели, но приготовленное было лучше. Сначала принимали пищу мужчины-охотники, и мальчики, готовящиеся стать охотниками, женщины и дети тихо сидели и ждали своей очереди, вот мужчины насытились , начали икать и ковырять острыми веточками в зубах, потом стали есть женщины, причем Оаве внимательно наблюдал, чтобы никого не обделили и всем досталось поровну, потом женщины стали кормить детей, и Оаве лично дал кусок осиротевшему малышу Кэ. Его мать придавило камнем, упавшим со склона и теперь племя заботилось о нем. Потом получили свои куски добычи слепой Иффе и престарелая Хэя. Разгорячившись от еды, довольная старуха стала показывать детям картинки из теней, которые отбрасывал костер и ее руки, сплетавшиеся и расплетавшиеся особым образом. Тень напоминала то бабочку, то лису, то антилопу, то жирафа. Дети глядели, не дыша, и забыв обо всем на свете. Поздно вечером все сидели у костра, старики ближе, потому – что им нужно было больше тепла, чтобы согреть их старые кости, дети подальше спали, укрывшись шкурами, женщины сшивали мех антилопы костяными иглами и продетой в иглу длинной жилой. Оаве был доволен и счастлив – все были сыты, никто не заболел и не умер, всем было хорошо.

6

Орбитальная станция «Мир-35», 3500-ый год нашей эры. Маша, аспирант из Москвы проснувшись с первыми лучами

солнца, которое осветило зашторенное окно, пробившись через щелку в занавеске острым, как лезвие лучиком, отправилась под холодный душ. Привычку вставать рано она приобрела еще в институте, когда параллельно с учебой занимаясь легкой атлетикой и прыжками в длину, каждое утро начиналось у нее одинаково, без выходных и праздников – пробежка, потом растяжка, потом холодный контрастный душ. Орбитальная станция «Мир -35» представляла собой огромный город – миллионник, с развитой инфраструктурой и возможностью проводить космические исследования прямо не выходя дома. Это был лучший в Солнечной системе элитный жилой комплекс со всеми удобствами. В городе были спортивные площадки, велотреки, тренажерные залы, столовые, каждая по сто тысяч мест на всех уровнях. Зоны отдыха, библиотеки, лекционные залы, научные лаборатории, мастерские по разработке и созданию новейших биоинжиниринговых проектов. Всего было пять уровней, она проживала в самом престижном – на последнем этаже была небольшая пристройка, стеклянный купол обеспечивал ей великолепные пейзажи, вид на Землю и когда станция поворачивалась вокруг своей оси – вид на космос и на звездные скопления и плеяды. В моде была высокая прическа, и она минут пятнадцать провела возле зеркала, выравнивая вертикально вверх непослушные локоны. Профессор Кавендиш – искусственный интеллект, проживавший с ней в одной квартире уже начал давать своей воспитаннице утренние наставления:

– Маша, вы сегодня будьте так любезны, прочесть лекции по астрофизике с восьмой главы по пятнадцатую вы мне вчера обещали. Иначе нам просто с вами не о чем будет говорить во время вечернего диалога. Надеюсь, что он опять не превратится в монолог. Я устал от вашего постоянного безответственного отношения к науке, мне нужен твердый и уверенный в своих знаниях собеседник, а не сомневающаяся девица.

– Конечно, конечно… – Маша никогда не спорила с наставником, она сама его выбрала среди прочих продуктов, можно было выбрать друга для легкого флирта, подружку-сплетницу-утешительницу, домашнего доктора, психотерапевта, и уж совсем верх электронной мысли – философствующего циника, но она посчитала это не серьезным для серьезной девушки. Она все-таки исследователь, поэтому и спутник у нее должен быть соответствующий. Тем более, что к искусственному интеллекту можно привыкнуть больше, чем к родному брату. Бывали случаи болезненной зависимости, когда интеллект брали тайком с собой даже в межзвездные путешествия, заменяя роботом общение с другими участниками экспедиций, но это было уже из разряда патологических состояний.

– Маша, вы опоздаете на завтрак! – не унимался профессор Кавендиш, – вы же знаете, что физраствор потребляют строго с семи до восьми, а уже без пятнадцати минут семь. Иначе энергетическая система вашего организма даст сбой,

и ваш КПД станет ниже.

– Уже бегу, старичок, все вы ворчите и ворчите!

– И вовсе я не старый, – обиделся Кавендиш, – в чем-то даже моложе вас.

– Возьмите зонт, сегодня по прогнозу обещали дождь. Температура девятнадцать градусов по Цельсию – тепло. Но будет дождь – можно промокнуть.

Условия на станции были максимально приближены к земным, соблюдались времена года, погода менялась в зависимости от сезона, в некоторых зонах встречались даже комары и мухи. Маша подозревала, что насекомые лишены способности размножаться, и абсолютно стерильны, но кусать эти комары точно умели. Миниатюрное солнце выполняло те же функции, что и на Земле, можно было получить легкий загар, растения тянулись к нему своими листьями и побегами, летом оно начинало припекать настолько, что по просьбе жителей города, его мощность прикручивали, ведь солнечные удары и ожоги никто не отменял. А однажды Маша наблюдала настоящую грозу, с громом и молнией. Дождь в тот весенний майский день прошел незаметно, трава мгновенно просохла, но раскаты грома еще долго гремели, то удаляясь, то приближаясь и это было великолепно. В городе в основном проживали состоятельные граждане или исследователи, такой симбиоз достигался путем расселения по разным зонам, в ее зоне обитали только ученые и аспиранты. Никогда за всю свою жизнь Маша не пробовала употреб-

лять в пищу растения или животных, эта функция была нейтрализована с рождения, считалось, что поедание чего-либо через систему пищеварения, сокращает жизнь индивидуума минимум на триста лет. Приблизительно восемьсот лет назад из-за перенаселения Земли и нехватки продуктов питания, в результате серии физиологических исследований, было изобретено устройство, которое вживляли в мозг, позволяющее перепрограммировать базовые физиологические функции. В то же время выдающимся профессором Ли Янем была изобретена жидкость, дающая возможность питать организм напрямую, прямо в кровь, минуя органы пищеварения. По своей структуре эта жидкость и напоминала кровь, но имела ряд существенных доработок. Было замечено, что люди, которые использовали внутривенный способ питания, жили в среднем на триста, четыреста лет больше. Их внутренние органы сохранялись в первозданном виде, ведь всем известно – чем больше машина работает, тем больше она изнашивается. Пополнять уровень жидкости в организме было достаточно один раз в день – в течение часа. Были изобретены специальные барокамеры для комфортного пополнения. Практикующие внутривенное питание быстро добивались успеха в социуме, потому что, во-первых, они не тратили время на добывание и поглощение пищи, во-вторых, они не тратили драгоценную энергию на переваривание пищи, а использовали данную энергию только для умственной или физической деятельности. В результате этого открытия все

население Земли перешло на новую систему питания, и кто бы мог подумать, сразу прекратились все войны и конфликты, наступил Золотой Век цивилизации. Правила и законы устанавливались Мировым правительством, и не соблюдать эти правила не имело никакого смысла, так как исчезла конкуренция между обитателями Земли. Физраствор получали бесплатно абсолютно все желающие. Проблема голода была решена. Помощь Всемирной продовольственной программы заключалась теперь в том, что жидкость доставлялась в самые бедные регионы, где ее пополняли всем нуждающимся безвозмездно. Для стабилизации высшей нервной деятельности и контроля над эмоциями в раствор добавляли седативный компонент, и таким образом решили проблему неконтролируемой агрессии, а так же снизился уровень тревожности общества. Поговаривали конечно, что раньше этот же компонент использовали в тюрьмах и психбольницах, для усмирения и подавления сопротивления заключенных, но это были только слухи…

Маша прошла по скверу имени Юрия Гагарина к столовой. С разных сторон ее обгоняли супермобили – устройства, предназначенные для комфортного передвижения по станции. Обитатели мегаполиса спешили пополнить уровень физраствора в организме, чтобы потом спокойно заняться повседневными делами. Столовая представляла собой огромное помещение, заставленное одинаковыми рядами с креслами со стеклянным верхом яйцеобразной формы.

Она уселась в одно из них, подключила нарукавник и погрузилась в сонливое состояние. Получать физраствор было довольно приятно. Он подавался централизованно сразу во все места для сидения, которых здесь было не менее тысячи, и в каждом находился пополняющий человек. Ощущение сытости в желудке создавалось за счет импульса, посылаемого встроенным устройством участкам мозга, ответственным за насыщение. Общение в этот момент было запрещено. Да и оно никому не было нужно. С исчезновением привычного способа питания, исчезли и привычные контакты между людьми, теперь общались строго только по работе, или для созидания совместных проектов, например строительства новых модулей на станции. Слово дружба исчезло из словаря, как устаревшее. Соответственно исчезли и слова страсть, любовь, ненависть, похоть, привязанность, и куча других слов, ставших малоупотребительными. Их конечно еще можно было встретить на факультетах лингвистики, но в обычной жизни эти слова не употреблялись. Для межличностного общения в каждой квартире имелся встроенный искусственный интеллект, который удовлетворял все базовые потребности человека. Он мог быть в зависимости от пожеланий, другом, сестрой, братом, женой или как в Машином случае наставником, с которым она обсуждала научные теории, и совместно читала книги и журналы. Профессор Кавендиш содержал в себе терабайты информации – тысячи научных направлений, в которых разбирался досконально,

мог поддержать любую самую сложную беседу, так же умел играть в шахматы. После приема физраствора, почувствовав себя как всегда, сильной и энергичной, Маша направилась в лабораторию. Поработав несколько часов, она позанималась спортом на спортивной площадке, потом приняла душ, и поехала домой. В двери она обнаружила открытку, по виду напоминающую рекламу, надпись на открытке гласила:

«Сегодня в 19-00 вы приглашены на еженедельно заседание клуба любителей Гастрономических экспериментов. Участвующим просьба прибыть на пять минут раньше для предварительной регистрации». И далее мелким шрифтом шла надпись:

«Мы никогда не отговариваем человека от попытки провести тот или иной эксперимент; и если он не найдёт того, что ищет, то он, может быть, откроет нечто иное».

Слегка удивившись такому приглашению, но в конце концов заинтересовавшись, она спросила у профессора Кавендиша :

– Уважаемый профессор, как вы думаете, что такое гастрономический эксперимент? Очень странное сочетание, слово эксперимент мне конечно знакомо, но вот что обозначает «гастрономический»?

– В моем массиве данных такой информации нет, но я подозреваю, что это какая – то наука. Интересно было бы разобраться что это!

– Тогда я схожу и разберусь, – Машино любопытство по-

бедило.

Она прибыла ровно в назначенное время и, зарегистрировавшись, вошла в клуб. Играла легкая восточная музыка, в помещении было всего пять человек, она была шестой. Маша всегда чувствовала себя неуверенно в незнакомой обстановке, но подскочившая к ней блондинка кого-то ей напомнила.

– Я живу с вами рядом, на одном уровне, это я оставила для вас приглашение, меня зовут Майя, пойдемте! – бойкая блондинка повела ее на середину комнаты, где вокруг круглого стола устроились присутствующие. Члены клуба сидели по-турецки, Маша тихонько подошла и села рядом за стол. Один из присутствующих, мужчина средних лет, чем-то напомнивший Маше средневекового рыцаря, то ли бородкой и усами, то ли осанкой, она не поняла чем именно, объявил:

– Сегодня многоуважаемые члены клуба мы будем с вами пробовать потрясающее блюдо, мое любимое – утку по-пекински.

– Кстати для вновь присоединившихся адептов позвольте представиться – Семен! – обратился он к Маше.

Вынесли что-то круглое и плоское, а сверху лежала ощипанная и обжаренная до коричневой корочки утка. Семен аккуратненько большим ножом разрезал блюдо на шесть частей, при этом в клубе запахло чем-то приятным, и как показалось Маше, она где-то уже встречала этот запах, только не могла вспомнить где. От аромата у нее закружилась голова,

и сработал датчик кровяного давления. Она почувствовала, как огромное количество слюны наполнило ее рот. Такого ранее с ней не бывало. Еле владея собой, полностью потеряв контроль, она взяла с подноса кусочек и, следуя примеру остальных, положила его в рот. И произошло нечто невообразимое. То, что она ощутила в этот момент, не возможно было описать словами. Как будто тысячи мелких импульсов разом послали в мозг сигналы, и мозг немедленно отреагировал волнами приятного исступления по всему телу. Пространство вокруг нее окрасилось в розовые и сиреневые тона, она почувствовала необыкновенный прилив безудержного веселья, хотелось смеяться, танцевать, разговаривать и все это одновременно. Дыхание сбилось, сердце затрепетало, как золотая рыбка, выброшенная из аквариума на пол. Лица присутствующих стали близкими и родными, они все говорили, смеялись, обменивались идеями, и это было нечто совершенно иное, чем то, что было ранее, нечто новое, вдохновляющее. Маша не знала как называется это чувство, которое захватило ее, но вдруг поняла, что это что-то важное, чего она до сих пор была лишена.

7

Майор службы безопасности орбитальной станции «Мир-35» Снежков Владлен Миронович сидя в своем кабинете, мирно подремывал после суточного дежурства. Фуражка лежала у него на колене, в данном положении он изредка даже обращался к ней, будто она была живым суще-

ством, и могла отвечать ему. Впрочем она была частым его собеседником, и в зависимости от обстоятельств олицетворяла то начальство, то красавицу секретаршу в кабинете у того же начальства, то его напарника Сократа. До конца рабочего дня оставалось пятнадцать минут, и он уже представлял себе, как повесит в шкаф свою униформу, передаст журнал регистрации происшествий, сдаст табельное оружие и отправится домой, проживал он тут же рядом с отделением полиции на пятом уровне, в квартале, где обитали чиновники и полицейские. Служба его была спокойной и размеренной, никаких правонарушений за десять лет его пребывания на станции не случалось, и заявлений от граждан, кроме розысков сбежавшего попугая не поступало. Попугай, кстати, вскоре нашелся в вентиляционной отдушине, и довольные хозяева, рассыпавшись в благодарностях, унесли питомца домой в клетке. В ящике для заявлений что-то зашелестело, он включил монитор и обнаружил поступившее сообщение.

– Вот черт! Это же надо, еще бы минут десять и он бы ушел, а регистрировать заявление пришлось бы Сократу.

Владлен Миронович нервно заерзал на стуле. Он вздохнул, надел фуражку туда, где ей и полагалось находиться, а именно, на голову и открыл злополучное сообщение. Заявление было от некого андроида – искусственного интеллекта со странным именем – профессор Кавендиш. Он не понимал эти новомодные имена, которые некоторые обитатели

станции давали своей прислуге, Владлен Миронович предпочитал считать, что электроника существует исключительно для служения людям и никаким на самом деле интеллектом не обладает, повторяет только то, что заложено человеком, самостоятельное мышление это процесс очень тонкий и обычной железяке не по силам. Оно конечно и не всякому человеку по силам, вот например, Сократ – пунктуальный, исполнительный, но глуповат, и там, где надо применить логику, обычно теряется, и тут уж конечно, мнение Владлена имеет первостепенное значение.

– Ну не может железо думать как человек! – уверял он не раз своего напарника.

Записав на всякий случай в блокнот серийный номер андроида, Владлен Миронович приступил к чтению.

«Заявление.

Довожу до вашего сведения, что сегодня в полночь, моя подопечная Мария Романова явилась в квартиру, где мы вместе с ней проживаем, на пару с соседской девицей Майей, шустрой, но по всей видимости абсолютно безнравственной особой, в совершенно неадекватном состоянии, своим поведением попирая все сложившиеся социальные нормы и правила, а так же нарушала общественный порядок. Я конечно, не ханжа, но вы поймите меня правильно, они громко смеялись, обсуждали мужчин, сплетничали про каких-то девиц, я сам слышал, после опять смеялись, на всю включили музыку, и это, пардон, в двенадцатом часу ночи, танцевали танго.

Я ей:

– Маша, опомнитесь!

А она мне:

– Отстань жестянка! – потом закрыла меня в ванной. Я конечно же обиделся, на такое сравнение, но то что последовало далее вообще ни в какие ворота… Немного покуролесив дома, Мария с вышеназванной особой направились в Оранжерею имени уважаемого академика Вавилова, где растут разные редкие представители флоры, привезенные с Земли – их доставляют на орбитальную станцию с целью селекции, сквозь щель в двери, так как она была не плотно прикрыта, видимо из-за рассеянности, которая свойственна всем людям науки, я расслышал название Cannabis Sativa , что в переводе с латыни означает Конопля Индийская – латынью я владею в совершенстве, нужно сказать не без гордости, что с моей помощью и Мария в ней тоже преуспела. Полагаю, что они надергали эту траву в Оранжерее, и, вернувшись – я, конечно, ничего не видел, что они с ней делали – врать не буду, но уровень продуктов горения в квартире достиг критического, и сработала пожарная сигнализация, с потолка полились средства пожаротушения, что вызвало безудержное веселье обеих девиц. После они смотрели космический футбол, матч между землянами и лемурийцами, чего ранее за моей подопечной никогда не наблюдалось, так как она является научным работником, подающим большие надежды в науке, и, как правило, на такую ерунду время не тратит. А

после, эта Майя сходила домой и принесла огромного размера торт – где только она его взяла тоже вопрос, с которым стоит разобраться! Они ели его вдвоем, ложками, съели весь, как какие – то средневековые варвары, абсолютно, наверное, позабыв о том, что такой способ питания укорачивает жизнь, а когда я попробовал что-то сказать по поводу этого из ванной, Мария цыкнула на меня, что чем так жить – лучше умереть прямо завтра. Учитывая необычный характер поведения и подозрения о внезапно возникшем остром психическом заболевании, прошу проверить мою подопечную на предмет появления психиатрических отклонений, а так же на предмет криминальных правонарушений, признаки которых усматриваются мной в ее поведении».

Владлен Миронович, будучи очень опытным сотрудником, давно уже выучил на память все статьи уголовного кодекса, поэтому почесав макушку под фуражкой, взял штемпель со словом «Отказать» и смачно смочив его штемпельной краской, с чувством шлепнул на заявлении, вследствие чего на бумаге расплылось сине-фиолетовое «ОТКАЗАТЬ», и почти театральным жестом, размашисто расписался. Потому что, с некоторых пор, курение конопли вот уже как тысячу лет никто не практиковал, и из уголовного кодекса статью эту давно исключили, так как подобное действие никому и в голову не могло прийти. Далее он аккуратно сложил заявление в сейф, закрыл его, и с чувством глубокого удовлетворения, так как не любил все эти роботизированные штучки, и

внутренне радовался тому, что насолил зловредной машине, направился домой, где его ждала супруга, сварившая по поводу окончания ночной смены кастрюлю хорошего украинского борща с пампушками.